

УДК 343.3/7

Рубрика: Уголовное право и особенности квалификации преступлений

Сенцов Александр Сергеевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, к.ю.н., доцент. 400066 г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8. E-mail: sentsov_1951@mail.ru. ORCID 0000-0002-6481-122X

Волколупова Владислава Владимировна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. E-mail: volkolupova.v@yandex.ru. ORCID 0009-0006-2604-3764

Противодействие публичному распространению криминогенной информации (треш-стримам)

Аннотация

Введение

Статья посвящена научной разработке весьма сложных и актуальных вопросов усиления противодействия распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов с использованием уголовно-правовых средств, а также проблемам их совершенствования на современном этапе. Также в статье рассматриваются и теоретические вопросы, относящиеся к социальной обусловленности криминализации деструктивного поведения в формате треш-стримов.

Методы исследования.

В работе применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме

этого, были использованы следующие методы: индукция, дедукция, анализ и синтез, системно-структурный, догматический.

Результаты.

В ходе исследования избранной темы в работе сформулированы итоговые выводы, главным из которых является обоснование предложения о внесении изменений и дополнений в Особенную часть УК РФ путем включения в нее новой статьи 242.3 об ответственности за организацию и (или) проведение треш-стримов, а равно иное в них участие лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость за аналогичные деяния. В работе формулируется и авторская редакция этой статьи, что повышает практическую значимость проведенного исследования темы. Кроме того, в работе предлагается в целях обеспечения межотраслевого согласования нормативных предписаний внести соответствующие изменения в статью 13.15 КоАП РФ.

Ключевые слова: криминогенная информация, уголовная ответственность, информационно-телекоммуникационные сети, изменение законодательства, общественная опасность, преступление.

Sentsov Alexander Sergeevich, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics at the Volgograd Institute of Management, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD, Associate Professor. E-mail: sentsov_1951@mail.ru. ORCID 0000-0002-6481-122X

Volkolupova Vladislava Vladimirovna, postgraduate student at St. Petersburg State University. 199034 Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 7-9. E-mail: volkolupova.v@yandex.ru . ORCHID 0009-0006-2604-3764

Countering the public dissemination of criminal information (trash streams)

Annotation

Introduction

The article is devoted to the scientific development of very complex and topical issues of strengthening counteraction to the spread of destructive content in the information space in the form of trash streams using criminal legal means, as well as the problems of their improvement at the present stage. The article also discusses theoretical issues related to the social conditionality of criminalization of destructive behavior in the trash stream format.

Research methods.

The work used a general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of connections and contradictions between them. In addition, the following methods were used: induction, deduction, analysis and synthesis, system-structural, dogmatic.

Results.

During the study of the chosen topic, the final conclusions are formulated in the work, the main of which is the justification of the proposal to amend and supplement the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation by including in it a new article 242.3 on responsibility for organizing and (or) conducting trash streams, as well as other participation in them by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record for similar acts. The paper also formulates the author's version of this article, which increases the practical significance of the conducted research on the topic. In addition, in order to ensure inter-sectoral coordination of regulatory requirements, it is proposed to make appropriate changes to Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: criminogenic information, criminal liability, information and telecommunication networks, legislative changes, public disgrace, crime.

Введение

В современных условиях повсеместной информатизации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности нашего общества кардинально изменились и формы

социальной коммуникации, обеспечивающей социализацию личности, особенно, несовершеннолетних.

Неотъемлемым атрибутом межличностных коммуникаций в жизни большинства граждан стало постоянное их нахождение в виртуальном Интернет-пространстве, где наряду с позитивным контентом все чаще распространяется и крайне негативная криминогенная информация. Так, согласно проведенным исследованиям We Are Social и Hootsuite в настоящее время среднестатистический россиянин проводит в Интернете ежедневно 6 часов 29 минут, из них 3,7 часов, тратится на социальные и коммуникационные приложения [1, с. 84]. Специалисты российской компании «Кри-брум», занимающейся мониторингом Интернета, отмечают высокую распространенность в социальных медиа крайне негативной информации и различных виртуальных сообществ деструктивной направленности: «На сегодняшний день в деструктивные течения в Рунете вовлечены порядка 5-ти миллионов аккаунтов российских подростков (35 % от общего числа подростков в России), и это число продолжает расти»¹.

В последнее время в социальных сетях, особенно в сети Интернет, все чаще получают распространение так называемые треш-стримы. Треш-стрим (от англ. trash - мусор, отбросы, сор; stream - поток) представляет собой особую разновидность прямой трансляции (прямого эфира), в рамках которой «потокковое видео или аудио» распространяет в информационном пространстве негативный контент неопределенному кругу лиц. Среди пользователей социальных сетей понятие «треш-стрим» употребляется как один из сленгов, означающий ведение прямых трансляций с негативной информацией на видеохостингах. Иными словами, это понятие характеризует проведение прямого эфира в социальных сетях, в рамках которого участники выполняют различные задания, чаще всего, за вознаграждение, полученное от пользователей сети. Самый распространенный

¹ Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. М. : Крибрум, 2019. С. 3.

вариант его проведения заключается в том, что ведущий стример напрямую вступает в контакт с неопределенным кругом лиц, являющимися «зрителями». И в такой трансляции имеется обратная связь, позволяющая получать от донаторов (от лат. *donator* — «даритель») определенные «задания» («челленджи»), предварительно оплаченные ими за заранее установленную цену. Участники стрима выполняют данные «челленджи» (от англ. *challenge* — «испытание», «вызов»), которые нередко сопряжены с совершением противоправных или явно аморальных действий (например, применение насилия в отношении другого участника треш-стрима, грубые оскорбления, очевидное унижение чести и достоинства личности и т.п.). В некоторых случаях полученные от зрителей «задания» блогер выполняет самостоятельно без приглашения в эфир других участников.

Методы

Методическую основу исследования составили такие общенаучные и частнонаучные методы, как: всеобщий диалектический метод научного познания, индукция, дедукция, анализ и синтез, системно-структурный, догматический и др.

Использованные методы были необходимы для углубленного изучения проблем, относящихся к избранной теме, прежде всего, для определения основных направлений усиления противодействия публичному распространению треш-стримов в информационном пространстве. Примененная методика позволила сформулировать ряд авторских предложений, направленных на совершенствование уголовно-правовых мер противодействия общественно опасному поведению, проявляющемуся в проведении прямого эфира, сопряженного с распространением криминогенной информации в форме треш-стримов.

Результаты

После очередного резонансного треш-стрима, во время которого произошла трагедия со смертельным исходом (стример под «ником» «Reeflay», применив насилие, вывел в зимнее время девушку из квартиры на балкон и она скончалась

от переохлаждения), по инициативе широкой общественности (число просмотров записи этого стрима составила более 20 млн.) сенаторы Совета Федерации Федерального Собрания РФ выступили с предложением о разработке нового законопроекта, направленного на усиление противодействия распространению криминогенной информации в виде треш-стримов путем установления самостоятельной уголовной ответственности за данные деяния.

Первоначально разработчики такого законопроекта предлагали решить данную проблему путем внесения изменений в действующий УК РФ и дополнить имеющуюся в нем статью 282 новой частью 3, выделив в качестве самостоятельного состава преступления умышленное совершение действий, направленных на унижение человеческого достоинства и сопряженных с применением физического насилия, а равно с угрозой его применения или выразившихся в издевательствах, мучениях, тяжких оскорблениях и иных видах общественно опасного поведения, умаляющего достоинство личности, если данные деяния были совершены с использованием сети Интернет в режиме реального времени либо сопряжены с последующим распространением видеозаписи стрима с целью извлечения материальной и иной (наращивание популярности) выгоды. В санкции предлагаемой новой особо квалифицированной нормы (ч. 3 ст. 282 УК РФ) предусматривался штраф от 300 до 600 тыс. рублей, принудительные работы на срок от двух до пяти лет либо лишение свободы на срок от трех до шести лет².

Такое предлагаемое законодательное решение, на наш взгляд, вряд ли можно признать бесспорным по следующим основаниям:

а) во-первых, не вполне логично определен непосредственный объект данного преступления, поскольку с учетом включения проектируемой ч. 3 в ст. 282, находящуюся в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», представляется

² В СФ выступили за введение внесудебной блокировки сайтов с треш-стримами. URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svo-body.html> (дата обращения: 25.02.2024).

очевидным, что в качестве основного непосредственного объекта данного состава преступления будут признаваться только такие общественные отношения, которые призваны обеспечивать установленный в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ полный запрет на осуществление экстремистской деятельности. Однако деяния в виде треш-стримов направлены, прежде всего, на нарушение общественной нравственности, представляющей собой совокупность моральных норм, которые исторически и культурно обусловлены на протяжении всего существования человеческого общества и одобряются в настоящее время большинством населения (то есть, систему внешних правил поведения, а равно идей, традиций, обычаев, представлений о добре и зле, справедливости, долге, чести и достоинстве), иными словами, у данных деяний основным непосредственным объектом посягательства чаще всего является общественная нравственность;

б) во-вторых, отдельные совершаемые треш-стримерами общественно опасные деяния, трансляция которых проводится в рамках треш-стримов, уже давно криминализированы и образуют самостоятельный состав преступления либо уже признаны административными правонарушениями. Речь идет о таких самостоятельных преступлениях, как умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111-118 УК РФ), убийство (ст. 105 УК РФ), клевета (ст. 128.1), побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ), оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) и др.

Вместе с тем, представляет интерес предложение о целесообразности криминализации рассматриваемых деяний либо их финансирования с выделением соответствующего самостоятельного состава преступления³. Так, вполне логичной является позиция, согласно которой «будет правильным привлечение к ответственности лиц, которые путем перечисления треш-стримерам денежных

³ Пушков: Надо открывать дела по треш-стримам без заявления потерпевшего. URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svo-body.html> (дата обращения: 25.02.2024).

средств склоняют, поощряют их к совершению противоправных действий при проведении интернет-трансляций»⁴.

Представляется, что определение основания уголовной ответственности за конкретное общественно опасное поведение предполагает наличие социальной обусловленности криминализации такого деяния. В доктрине уголовного права справедливо обосновывается вывод о том, что результативность уголовного права определяется, прежде всего, наличием социально-правовых оснований для криминализации деяния [2, с. 64-65]. Кроме того, в науке есть мнение: эффективность уголовно-правового запрета достигается лишь при условии, что он был криминологически обоснован и соответствовал критериям криминализации того или иного деяния [3, с. 3-6; 4, с. 28-33].

Тем не менее, многие проблемы, относящиеся к критериям, свидетельствующим о наличии (или отсутствии) социальной обусловленности уголовно-правовых запретов, на теоретическом уровне до сих пор остаются дискуссионными. Более того, даже относительно терминологии и базовых понятий, обозначающих социальные и правовые основания для установления уголовно-правового запрета, среди исследователей единообразный подход отсутствует [5, с. 77-95]. Но, на наш взгляд, существующие в уголовно-правовой теории различные трактовки вряд ли значительно влияют на оценку существенных признаков рассматриваемого понятия. С учетом положений, разработанных в общей теории права, логичнее всего применительно к установлению социальной обусловленности уголовно-правового запрета выделять в качестве самостоятельных критериев его основания и условия [6, с.103-105].

Определяющим критерием для криминализации тех или иных деяний в виде треш-стримов является их общественная опасность [7, с. 102-103], заключающаяся в объективной способности виновно причинять существенный вред или создавать реальную угрозу причинения такого вреда общественной

⁴ В Совфеде призвали наказывать за финансирование "треш-стримов". URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svo-body.html> (дата обращения: 25.02.2024).

нравственности. В.И. Фирсов отмечает, что «в связи с признанием общественной опасности в качестве основания уголовно-правового запрета в литературе обращается внимание на такой аспект, как ее достаточность для криминализации»⁵. В качестве одного из критериев обоснованности криминализации выделяется наличие в деянии такой степени общественной опасности, которая достигает уровня, характеризующего преступление как таковое [8; 9, с. 216].

Однако не все исследователи придают этому критерию самостоятельное значение. По их мнению, сам по себе такой количественный показатель, как типовая степень общественной опасности деяния, не может быть выделен в самостоятельный критерий и рассмотрен изолированно (в отрыве) от самой общественной опасности деяния, и согласно их позиции именно она в целом (ее и характер, и степень) составляет единое общее основание криминализации деяния [10, с. 201]. Другие же, например Н. А. Лопашенко, называют этот критерий принципом криминализации [7, с. 108].

Наконец, некоторые авторы полагают, «что степень опасности проявляется в пределах типовой опасности конкретного преступления. Для криминализации деяния значение имеет не опасность отдельно взятого, конкретного деяния, а именно ее типовая характеристика. Это обусловлено тем, что она выражает степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, и соответственно, регламентирована в законе. В нормативном акте невозможно отразить индивидуальные черты содеянного и тем более опасность конкретной личности»⁶. При таком подходе типовая степень общественной опасности конкретного преступления является «мерилом» санкции соответствующей уголовно-правовой нормы.

Таким образом, с учетом изложенного можно выделить следующие критерии криминализации такого общественно опасного поведения как треш-

⁵ Фирсов И. В. Незаконный оборот медицинской продукции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. 208 с. С. 25.

⁶ Там же. С. 26.

стримы: 1) относительная (но не чрезмерная) распространенность данных общественно опасных деяний; 2) невозможность эффективной охраны соответствующих общественных отношений иными правовыми средствами (административно-правовыми, гражданско-правовыми); 3) позитивная оценка такой уголовно-правовой меры большинством населения; 4) оптимальное соотношение позитивных и негативных юридически значимых социальных последствий применения данного уголовно-правового запрета.

В целях нейтрализации и блокирования рассматриваемого деструктивного поведения 15 февраля 2024 г. в Государственной Думе ФС РФ в первом чтении был рассмотрен новый законопроект о противодействии публичному распространению треш-стримов (далее – законопроект). В нем предлагается внести изменения в УК РФ, а также в КоАП РФ и ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», с целью усиления противодействия публичному распространению треш-стримерами в режиме прямой трансляции таких фото- и видеоматериалов, которые иллюстрируют реально совершаемые преступления. В частности, в качестве нового квалифицирующего признака в составах 10 наиболее распространенных преступлений против личности, предлагается включить их «совершение с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)»⁷.

Обсуждение

Проведенное нами углубленное изучение законопроекта позволило сформулировать итоговые выводы относительно его содержания.

Отмечая безусловную необходимость усиления противодействия публичному распространению криминогенной информации, в том числе в виде треш-стримов, а особенно, в Интернет-пространстве, представляется, что и

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)): Законопроект № 506240-8 от 15.02.2024. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8>. (дата обращения 16.02.2024).

законопроект вряд ли может быть оценен однозначно и, на наш взгляд, он требует корректировки.

Не прибегая к подробному анализу всех имеющихся в тексте законопроекта не вполне корректных формулировок, представляется целесообразным выделить лишь такие его положения, которые являются наиболее уязвимыми и представляются далеко небесспорными. Так, судя по содержанию используемого авторами в диспозициях проектных норм термина **«преступление с публичной демонстрацией»** (выделено нами – А.С., В.В.), неясно, как же будет квалифицировано совершенное лицом умышленное преступление, если это лицо в момент его осуществления не осознавало, что его действия снимаются на видеокамеру (например, на месте преступления были установлены стационарные камеры видеонаблюдения), а впоследствии сделанные записи «выкладываются» третьими лицами в социальные сети (В Telegram, «ВКонтакте» и др.).

Представляется, что при отсутствии признаков соучастия (сговора между субъектом совершенного преступления и треш-стриммером само совершенное деяние будет квалифицировано по общей норме, а его последующая публичная демонстрация, осуществленная другим лицом, состава преступления не образует, поскольку в рассматриваемом законопроекте данные деяния сами по себе вообще не рассматриваются. И такой подход не вполне согласуется с вытекающим из принципа законности требованием «определенности» уголовно-правового запрета [11, с. 88-94].

Можно отметить и то, что в законопроекте используется весьма «аморфная» и содержащая неопределенность формулировка «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией». Неопределенность этого термина заключается в том, что в нем одновременно сочетаются два разных деяния: «преступление» и «публичная демонстрация», но при такой конструкции остается неясным, во-первых, предполагает ли данный квалифицирующий признак (публичная демонстрация) его наличие только во время совершения основного преступления (то есть, именно самого «треш-стрима» в виде прямого эфира), или

же он будет иметь место и в тех случаях, когда «публичная демонстрация» осуществляется не в прямом эфире, а спустя незначительное (а иногда и значительное) время после совершения «основного» преступления?

Во-вторых, предлагаемая авторами законопроекта формулировка не позволяет привлекать к уголовной ответственности за публичное распространение в информационном пространстве криминогенной информации, в том числе и деструктивного контента в виде треш-стримов, уже ранее «выложенных» в социальные сети, путем активного расширения аудитории зрителей (перенесения этой информации на другие сайты).

Кроме того, представляется, что при буквальном толковании текста предлагаемых в законопроекте нововведений уголовная ответственность будет усилена не только в случае совершения треш-стримером умышленного преступления, которое будет непосредственно сопровождаться его публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе и в сети «Интернет» (например, путем общедоступной трансляции в прямом эфире), но и во всех случаях совершения любого из выделенных 10 преступлений в условиях публичности, то есть в присутствии неопределенного круга лиц (хотя бы одного постороннего).

Иными словами, если убийство, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, побои или истязание были совершены в присутствии хотя бы одного постороннего очевидца (а тем более, нескольких посторонних лиц) и исполнитель (исполнители) осознавал данное обстоятельство, то буквальное толкование понятия «публичная демонстрация» не исключает вывода о том, что содеянное в таком случае должно будет квалифицироваться по предлагаемым авторами законопроекта нормам, как «умышленное преступление с публичной демонстрацией» (например, по п. «о» ч. 2 ст. 105, п. и» ч. 2 ст. 111 УК РФ и т.п.).

Кроме того, как свидетельствует практика, внешнее проявление признаков демонстрируемого во время треш-стрима противоправного поведения нередко

является лишь имитацией преступления, а в действительности «игроки» старательно выполняют заранее подготовленные треш-стримером роли «преступника» и «жертвы». В таких случаях предлагаемые авторами законопроекта нормы тоже будут неприменимы, поскольку в них предполагается наличие реально совершенного умышленного преступления.

Наконец, предлагаемые в законопроекте нововведения не позволяют дать однозначную правовую оценку действиям лиц, которые «извне» оказывают содействие проведению треш-стрима, например, путем финансирования этой деятельности со стороны зрителей во время прямого эфира (при возможности их идентификации).

Такая законодательная конструкция проектных норм явно не согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, отраженной в его Постановлениях от 27.05.2008 №8- П/2008; от 25.04.2018 № 17-П/2018 и др. Согласно этой позиции «неоднозначность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм – в противоречие названным конституционным принципам»⁸; «...требования четкости и недвусмысленности правовых норм, их согласованности в системе правового регулирования имеют особую значимость для уголовного законодательства, являющегося по своей природе исключительным средством...»⁹.

Завершая критический анализ некоторых положений рассмотренного в первом чтении на заседании Государственной Думы ФС РФ 15.02.2024 законопроекта, можно отметить, что его содержание нуждается в соответствующей корректировке, так как включение в УК РФ предлагаемых норм

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П/2008 «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян». Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда». Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

в данной редакции не способно в полной мере обеспечить на законодательном уровне достижение тех целей, которые заявлены авторами в пояснительной записке, и это неизбежно породит новые правоприменительные проблемы.

Определение пределов криминализации новых видов общественно опасного поведения, сопряженного с распространением криминогенной информации, на наш взгляд, представляет собой весьма сложную межотраслевую проблему, решение которой требует комплексной научной разработки с участием не только представителей науки уголовного права и криминологии, но и государствоведов, социологов, психологов и специалистов в области информационного права.

В решении проблем усиления противодействия распространению криминогенной информации с использованием уголовно-правовых средств важно учитывать, как минимум, три социально-значимых фактора (а возможно, и больше). Во-первых, следует безусловно учесть неотъемлемое и гарантированное Конституцией право граждан на свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции России), а также положения ст. 19 Всеобщей декларации прав человека о том, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их», включающее «свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу **искать, получать и распространять информацию** (выделено нами, - А.С, В.В.) и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Во-вторых, в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ одновременно предусмотрена и возможность ограничения свободы мысли и слова.

Наконец, в-третьих, решение этой проблемы предполагает не только разумный баланс двух первых факторов, но еще и учет весьма ограниченных возможностей применения в этих целях норм, образующих институты соучастия в преступлении, в том числе и для противодействия публичному распространению криминогенной информации в виде треш-стримов.

В этой связи вполне логичным и заслуживающим внимания является высказываемое в доктрине уголовного права предложение об установлении самостоятельной уголовной ответственности за организацию и (или) проведение

такого деструктивного контента, как треш-стримы [12, с. 85-93; 13, с. 202-210; 14, с. 298-303; 15, с. 90-91]. Однако, нисколько не оспаривая приведенные в научной литературе доводы в обоснование социальной обусловленности криминализации таких деяний, как организация и проведение треш-стримов, пранков и т.п. представляется, что с учетом реализации принципа экономии мер уголовно-правового характера более приемлемым для установления соответствующего уголовно-правового запрета является использование в нем административной преюдиции.

Заключение

Завершая проведенное исследование, в целях более радикального совершенствования уголовно-правовых средств противодействия публичному распространению в социальных сетях, в том числе в Интернет-пространстве треш-стримов нами предлагается дополнить УК РФ новой специальной статьей 242.3, включающей самостоятельные нормы (общую и квалифицированные), устанавливающие ответственность за организацию и (или) проведение и иное участие в треш-стримах в виде прямой трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, сопряженных с демонстрацией противоправных действий, создающих угрозу жизни и здоровью, ограничивающих свободу, а равно аморальных действий, унижающих честь и достоинство человека и явно противоречащих общественной нравственности, либо с имитацией таких действий. Предлагаем изложить данную статью в следующей редакции:

Ст. 242.3 Организация и (или) проведение треш-стримов, а равно иное участие в них, лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость

1. Организация и (или) проведение, а равно иное участие в треш-стримах в виде прямой трансляции (прямого эфира) в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, сопряженной с публичной демонстрацией противоправных действий, создающих угрозу жизни

или здоровью или ограничивающих физическую свободу человека, а равно аморальных действий, унижающих честь и достоинство личности или противоречащих общественной нравственности, либо с имитацией таких деяний, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за такое деяние, или имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей, - наказываются...

2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно из корыстных побуждений, - наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой;

б) повлекшие по неосторожности тяжкие последствия, - наказываются...

4. Финансирование, а равно оказание иной, в том числе интеллектуальной или технической поддержки совершению треш-стримов, - наказываются...

Примечание

1. Треш-стримом в настоящей статье признается такая разновидность прямой трансляции (прямого эфира), в которой публично демонстрируются противоправные или аморальные действия, явно противоречащие общественной нравственности.

2. Действие настоящей статьи не распространяется на произведения науки, литературы, искусства, имеющие научную, историческую, художественную или культурную ценность, материалы зарегистрированных средств массовой информации, а также на фото-, видеоматериалы, предназначенные для использования в научных или медицинских целях, либо изучение которых предусматривается федеральными государственными образовательными стандартами и федеральными образовательными программами.

Включение данных деяний (треш-стримов) в качестве квалифицирующего признака в конкретные составы преступлений, как это предлагается авторами

законопроекта и некоторыми учеными при принятии законодательного решения о дополнении УК РФ сконструированной нами новой самостоятельной статьей, станет избыточным, поскольку в случае совершения лицом умышленного преступления в процессе проведения треш-стрима содеянное будет квалифицировано по совокупности (по соответствующей части новой статьи 242.3 и норме, устанавливающей ответственность за конкретно совершенное преступление), и соответственно, наказание будет назначаться по правилам, предусмотренным ст. 69 УК РФ, то есть автоматически оно может быть более строгим (особенно при применении судом правил «полного сложения» или «частичного сложения» назначенных за каждое из названных преступлений наказаний).

В целях обеспечения межотраслевого согласования нового уголовно-правового запрета с соответствующими нормами административного законодательства целесообразно внести изменения и в ст. 13.15 КоАП РФ, и включить в нее новый п.12 в такой же редакции, как и предложенная нами ч. 1 ст. 242.3 УК РФ, а не в том виде, как это изложено в анализируемом законопроекте.

Библиографический список

1. Жевлакович С.С., Чижова Д.Д. Предупреждение девиантного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 83-88.
2. Нифталиева И. А. Криминализация и декриминализация деяний как одно из направлений реализации принципа справедливости // Евразийская адвокатура. 2023. № 5(64). С. 64-65.
3. Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью: сборник материалов. М., 1981. С. 3-10.
4. Гарбатович Д. А. Непреступные уголовно-правовые деяния и дефекты криминализации // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 28-33.

5. Курляндский В. И. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью: сборник материалов. М., 1975. С. 77-95.
6. Моховиков В. В. Общее понятие и значение законодательной техники // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 10-1. С. 103-105.
7. Лопашенко Н. А. Уголовная политика: монография. М., 2009. 579 с.
8. Алексеева, А. П. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы / А.П. Алексеева, Т. В. Анисимова // Уголовная политика и правоприменительная практика : Сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий "Астерион", 2023. – С. 110-115. – EDN MDTRMP.
9. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / [В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев]: монография. М., 1982. 303 с.
10. Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность): монография. М., 2018. 332 с.
11. Наумов А.В. Конкретизация Конституционным судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88-94.
12. Берестовой А. Н., Сысолина Н.С. Вопросы криминализации девиантного поведения в сети Интернет // Философия права. 2023. № 3(106). С. 85-93.
13. Грачева Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202–210.
14. Жаров К. А. Треш-стримы: уголовно-правовые аспекты // Современный ученый. 2023. № 6. С. 298-303.

15. Полунина Е. Н., Антонова А. В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90-91.

Bibliographic list

1. ZHevlakovich S.S., CHizhova D.D. Preduprezhdenie deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih, produciruemogo kontentom seti Internet // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2023. № 1. S. 83-88.

2. Niftalieva I. A. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya deyanij kak odno iz napravlenij realizacii principa spravedlivosti // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 5(64). S. 64-65.

3. Kudryavcev V. N. Kriminalizaciya: optimal'nye modeli // Uголовное право v bor'be s prestupnost'yu: sbornik materialov. M., 1981. S. 3-10.

4. Garbatovich D. A. Neprestupnye uголовно-pravovye deyaniya i defekty kriminalizacii // Rossijskaya yusticiya. 2023. № 2. S. 28-33.

5. Kurlyandskij V. I. Uголовная политика: differenciaciya i individualizaciya uголовной otvetstvennosti // Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu: sbornik materialov. M., 1975. S. 77-95.

6. Mohovikov V. V. Obschhee ponyatie i znachenie zakonodatel'noj tekhniki // Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2023. № 10-1. S. 103-105.

7. Lopashenko N. A. Uголовная политика: monografiya. M., 2009. 579 s.

8. Alekseeva, A. P. Zakonodatel'nye iniciativy v chasti usileniya zashchity nesovershennoletnih ot prestupnyh posyagatel'stv: problemy i perspektivy / A.P. Alekseeva, T. V. Anisimova // Uголовная политика i pravoprimeritel'naya praktika : Sbornik statej po materialam X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Centr nauchno-proizvodstvennyh tekhnologij "Asterion", 2023. – S. 110-115. – EDN MDTRMP.

9. Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta: Kriminalizaciya i dekriminalizaciya / [V. N. Kudryavcev, P. S. Dageľ, G. A. Zlobin i dr.; Otv. red. V. N. Kudryavcev, A. M. YAKovlev]: monografiya. M., 1982. 303 s.

10. Aguzarov T. K., Gracheva YU. V., CHuchaev A. I. Ugolovno-pravovye problemy ohrany vlasti (istoriya i sovremennost'): monografiya. M., 2018. 332 s.

11. Naumov A.V. Konkretizaciya Konstitucionnym sudom principa zakonnosti Ugolovnogo kodeksa RF // Ugolovnoe pravo. 2018. № 1. S. 88-94.

12. Berestovoj A. N., Sysolina N.S. Voprosy kriminalizacii deviantnogo povedeniya v seti Internet // Filosofiya prava. 2023. № 3(106). S. 85-93.

13. Gracheva YU. V., Malikov S. V. Tresh-strim: social'naya obuslovlennost' kriminalizacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 6. S. 202–210.

14. ZHarov K. A. Tresh-strimy: ugolovno-pravovye aspekty // Sovremennyj uchenyj. 2023. № 6. S. 298-303.

15. Polunina E. N., Antonova A. V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya otvetstvennosti za «tresh-strim» v Internetе // Zakon i pravo. 2021. № 3. S. 90-91.

© Сенцов А.С., Волколупова В.В., 2024.

«Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. Заявляем об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи в журнале “Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России”. Разрешаем размещение полнотекстовой версии статьи, а также её частей в открытом доступе в сети Интернет, а также на официальных каналах журнала в социальных сетях. При создании статьи не использовались возможности искусственного интеллекта».

Авторы внесли равный вклад в создание статьи.

Винокурова В.В.
Ф.И.О. субъекта персональных данных

Подпись

29.07.2024
дата

А.С. Смирнов
Ф.И.О. субъекта персональных данных

Подпись

29.07.24
дата